
А. В. КОРОТАЕВ

О ВОЗМОЖНЫХ ЭКОНОМИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 2014 ГОДА*

Период очень быстрого экономического роста, наблюдавшийся в Украине в 2000–2008 годах, привел к стремительному росту ожиданий. Граждане страны (особенно на Юго-Востоке) ожидали, что рост будет возобновлен с победой В. Ф. Януковича на выборах 2010 года, так как именно годы его премьерства (2003–2004 и 2006–2007) оказались особенно динамичными. Растущие ожидания на фоне стагнирующего подпольного производства не могли не привести к увеличению разрыва между ожидаемым и реальным, что, согласно модели Дж. Дэвиса, порождает массовую фрустрацию и взрыв политической агрессии.

Ключевые слова: революция, Украина, Янукович, кривая Дэвиса, психология, экономика, дестабилизация, рост, кризис, структурно-демографическая теория, неравенство.

В статье, написанной по горячим следам недавних событий в Украине, дан предварительный анализ некоторых их предпосылок. В ней представлены гипотезы, лишь часть которых прошла неполную эмпирическую проверку, – сразу скажем, что она больше ставит вопросы, чем дает на них ответы.

Один из главных современных сторонников структурно-демографической теории социально-политической дестабилизации¹ профессор Коннектикутского университета П. В. Турчин, анализируя события в Украине, приходит к выводу: «Структурно-демографический анализ украинской политики заставляет предполагать, что мы имеем дело с несостоявшимся государством. Мы находим здесь все три условия структурно-демографического коллапса

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Подробнее о структурно-демографической теории революций и социально-политических потрясений см.: Goldstone 1991; 2002; 2013; Turchin 2003; 2005b; Turchin, Nefedov 2009; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev *et al.* 2011; Нефедов 2005; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007; 2010; Коротаев 2006; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2012; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012; Филин 2012; Назаретян 2014.

государства: обнищание (*immiseration*) населения, перепроизводство элиты и государственный фискальный кризис» (Turchin 2014: 2).

Рассмотрим первое из трех названных условий структурно-демографического коллапса государства (\approx революции). Отметим, что многие исследователи не рассматривали и не рассматривают обнищание населения в качестве необходимого условия генезиса революционных взрывов (Токвиль 2008 [1856]: 31; Спенсер 1999 [1891]: 1362–1363; Дарендорф 2002; Эдвардс 2005; Шульц 2014; Goldstone 2014). И создатель структурно-демографической теории Дж. Голдстоун в комментарии к статье Турчина подчеркнул, что сам он предпочитает говорить не об обнищании (которое, по его мнению, не является необходимым условием революционной дестабилизации), а о росте недовольства (*grievances*) населения (см. Приложение к настоящей статье)².

Вместе с тем обнищание населения при определенных обстоятельствах может заметно облегчить начало и победу революций. Как показал наш анализ Египетской революции 2011 года, наблюдавшееся в 2010 году стремительное обнищание заметной части египетского населения обеспечило поддержку революционных молодых интеллектуалов широкими слоями простонародья (Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Korotayev, Zinkina 2011; Grinin, Korotayev 2012)³.

Сам Турчин, сопоставив в качестве доказательства тезиса об обнищании украинского населения последние данные по ВВП в Украине, Беларуси и России, показывает, что в Украине этот показатель на душу населения существенно ниже (Turchin 2014); сходные результаты получены М. Барановым (2014). Однако «обнищание» – понятие динамическое, поэтому сравнивать все-таки лучше не статические уровни, а динамические ряды.

Начнем с рассмотрения сравнительной динамики ВВП на душу населения в России и Украине за 2000–2013 годы (рис. 1).

² В рамках марксистской традиции формулировка П. Турчина больше коррелирует с ленинской формулировкой второго условия революционной ситуации – «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» (Ленин 1969 [1915]: 218), а подход Дж. Голдстоуна – с подходом К. Каутского, также не упоминавшего абсолютного падения уровня материального благосостояния населения среди признаков условий революционной ситуации (Каутский 1959 [1909]: 77).

³ Примечательно, что обнищание никак не было виной мубараковской администрации, а было связано со второй волной инфляции – стремительного роста цен на продукты питания, вызванного проводившейся в то время Вашингтоном политикой количественного смягчения. При этом мубараковская администрация всячески пыталась смягчить удар по наименее обеспеченным слоям египетского населения, но полностью нивелировать его все-таки не удалось (Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Korotayev, Zinkina 2011а; Grinin, Korotayev 2012; Akaev *et al.* 2012).

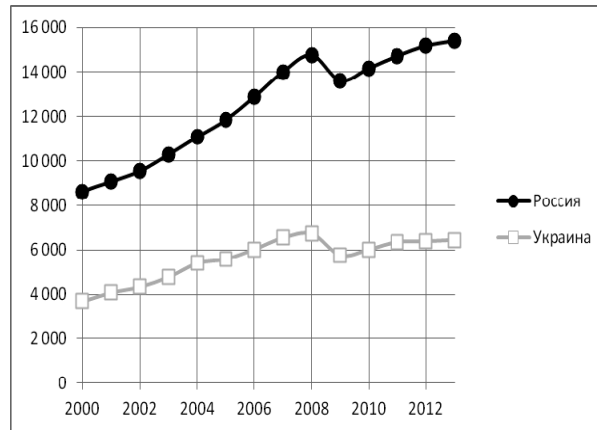

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения в России и Украине (в международных долларах 2005 года по паритетам покупательной способности), 2000–2013 годы

Источники: World Bank 2014: NY.GDP.PCAP.PP.KD (данные на 2013 г. подсчитаны на основе базы данных *Total Economy Database* [Conference Board 2014]).

Бросается в глаза прежде всего огромный разрыв между Россией и Украиной. Однако надо иметь в виду, что Украина начинала восстановительный рост (после экономического обвала 1990-х годов) с уровня заметно более низкого, чем Россия. Поэтому важно рассмотреть динамику разрыва между Россией и Украиной по ВВП на душу населения (на рис. 2 каждая годовая точка данных обозначает, во сколько раз ВВП на душу населения в России превышал соответствующий показатель для Украины).

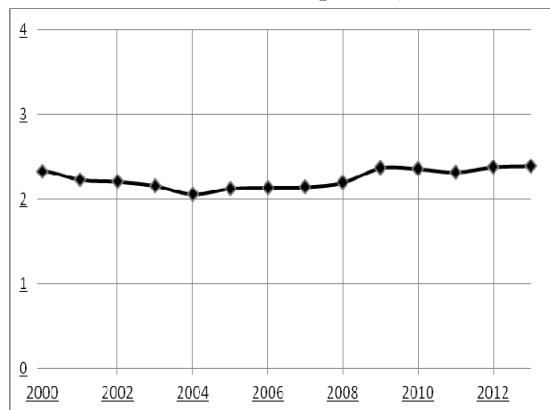

Рис. 2. Динамика разрыва между Россией и Украиной по ВВП на душу населения (2000–2013 годы)

Как видим, после 2000 года данный показатель колебался в интервале 2–2,5 без сколько-нибудь выраженной тенденции к снижению или повышению. Для адекватного понимания экономической динамики Украины в последние годы уместно привести для периода после 2000 года нормализованную динамику ВВП на душу населения в Украине, России, в мире в целом, а также в Западной Европе и США (в этом случае уровень 2000 года принимается за 100) (рис. 3).

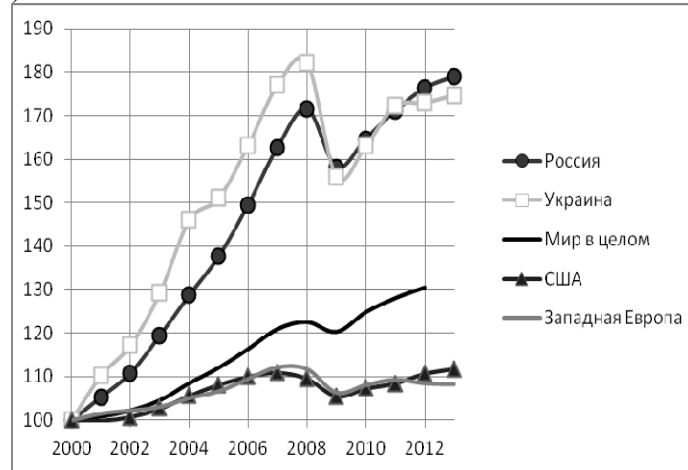

Рис. 3. Относительная динамика ВВП на душу населения в Украине, России, США, Западной Европе и по миру в целом, 2000–2013 годы (100 = уровень 2000 года)

Источник: World Bank 2014: NY.GDP.PCAP.PP.KD (данные на 2013 год подсчитаны на основе базы данных *Total Economy Database* [Conference Board 2014]). Для Западной Европы расчеты сделаны целиком по *Total Economy Database*; ВВП на душу населения для Западной Европы рассчитывался через суммирование ВВП с последующим делением его на просуммированное население следующих стран: Австрия, Бельгия, Кипр, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания.

Судя по рис. 3, в 2000–2013 годах экономическая динамика Украины была не столь провальной, как это принято считать в последнее время. Общий относительный прирост душевого ВВП в Украине за этот период был в 2,5 раза выше, чем по миру в среднем, в 7 раз выше, чем в США, и в 9 раз – чем в Западной Европе! Он был столь же высок, как и в богатой ресурсами России (что са-

мо по себе является серьезным достижением для бедной ресурсами Украины).

Приведенные данные еще раз подтверждают обоснованность тезиса о том, что обнищание населения не является необходимым условием революционных взрывов вообще и революций последнего поколения в особенности. Действительно, предыдущая украинская «оранжевая революция» 2004 года произошла на фоне чрезвычайно быстрого экономического роста (рис. 4).

Рис. 4. Украинские революции в контексте динамики ВВП на душу населения

В 2000–2004 годах украинская экономика росла даже более высокими темпами, чем в те же годы в России (где они также были очень высоки). Более того, в два года, непосредственно предшествовавшие «оранжевой революции», Украина занимала по темпам роста среди крупных экономик мира третье место (World Bank 2014: NY.GDP.MKTP.KD.ZG). Украине удалось заметно сократить разрыв с Россией по ВВП на душу населения, который накануне «оранжевой революции» достиг наименьшего значения. Между прочим, возглавлял украинское правительство в те два года тот самый человек, которого в последние месяцы не принято помянуть добрым словом, – Виктор Федорович Янукович. Возникает вопрос: не убила ли «оранжевая революция» нарождавшееся украинское экономическое чудо, подобно тому как египетская революция 2011 года, по всей видимости, убила нарождавшееся египетское экономическое чудо (во многом благодаря реформаторским усили-

ям группировки египетской элиты, возглавлявшейся также нелюбимым теперь в Египте человеком – Гамалем Мубараком).

Тем не менее применительно к украинской революции 2014 года приведенные выше данные не позволяют однозначно отвергнуть гипотезу о наличии значимых экономических факторов как в более мягкой формулировке Каутского – Голдстоуна (рост недовольства населения своим экономическим положением), так и в более жесткой формулировке Ленина – Турчина («обострение выше обычного нужды и бедствия угнетенных классов» ~ «обнищание населения» – по крайней мере, если речь идет о снижении уровня жизни не всего населения, а заметной его части)⁴. Общую динамику экономического роста Украины в 2000–2013 годах нельзя охарактеризовать как провальную, но она была крайне неровной. Экономика росла исключительно высокими темпами накануне «оранжевой революции», после чего эти темпы замедлились, но это был скорее переход от исключительно высоких к просто высоким темпам (рис. 5).

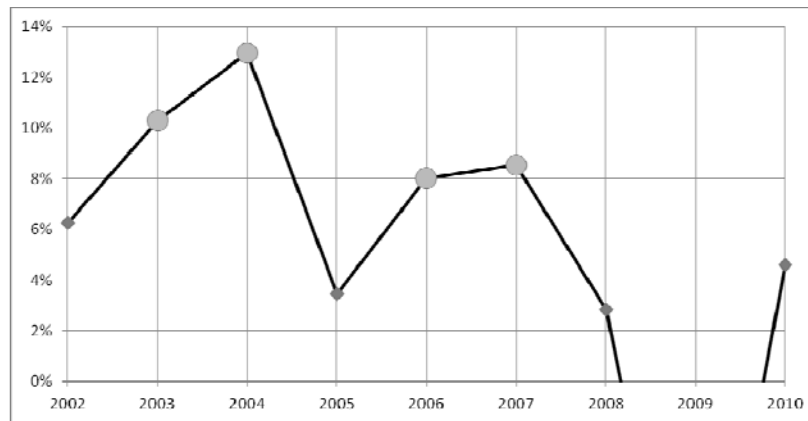

Рис. 5. Динамика темпов роста ВВП на душу населения в Украине, % в год, 2002–2010 гг.

В период между «оранжевой революцией» и глобальным финансово-экономическим кризисом темпы экономического роста были по-настоящему высокими только в 2006 и 2007 годах. И опять-таки главой (премьером) украинского правительства в эти два «гучных года» был все тот же нелюбимый сейчас всеми Януко-

⁴ Если уже имеющиеся у нас данные более или менее подтверждают обоснованность гипотезы в ее первой формулировке, то, как мы увидим ниже, для тестирования гипотезы в ее второй формулировке нам потребуется дополнительная эмпирическая информация.

вич (на рис. 5 годы его премьерства обозначены круговыми маркерами).

Мировой финансово-экономический кризис ударил по Украине особенно сильно – значительно сильнее, чем по России (к счастью для Януковича, Украиной в это время правили «оранжевые», к которым он находился в достаточно жесткой оппозиции). Резкое падение темпов экономического роста в 2008–2009 годах в привыкшей за 2000–2007 годы к очень быстрому росту Украине привело к резкому усилению недовольства режимом «оранжевых». На этом фоне неудивительно, что в 2010 году демократическим путем президентом Украины был избран именно Янукович. Есть все основания предполагать, что многие голосовали за него в надежде на то, что удастся вернуть темпы экономического роста к уровням, засвидетельствованным в Украине в 2003–2004 и 2006–2007 годах. Однако надежды оказались тщетными (рис. 6).

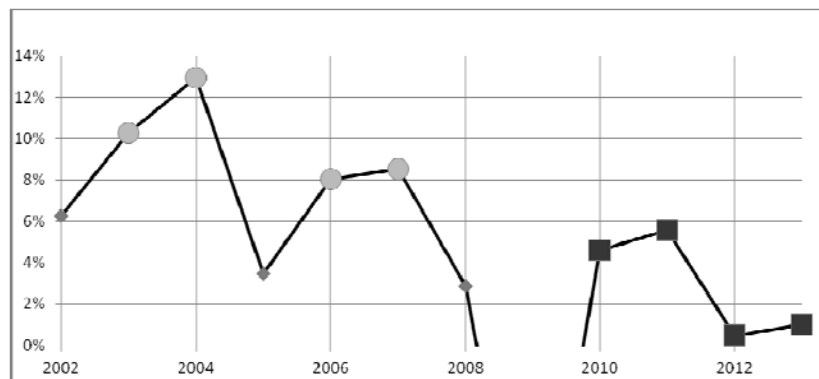

Рис. 6. Годовые темпы роста ВВП на душу населения в Украине (%), 2002–2013 годы

Примечание: круговыми маркерами обозначены годы премьерства Януковича, квадратными – годы его президентства.

В 2010 году администрации Януковича удалось вытащить экономическую динамику в положительную зону. В 2011 году темпы экономического роста даже несколько увеличились. Однако в 2012–2013 годах они обвалились до уровня, практически не отличимого от нулевого. В подобном развитии событий трудно винить одну лишь администрацию Януковича: важнейшую роль здесь сыграл такой фактор, который она явно не могла реально контролировать. Речь идет о второй волне рецессии, накрывшей Западную

Европу как раз в 2012–2013 годах, что сказалось резко негативно на тесно привязанной к Западу украинской экономике.

Рассмотрим динамику темпов роста ВВП на душу населения в Украине, России и Западной Европе в 2002–2013 годы (рис. 7).

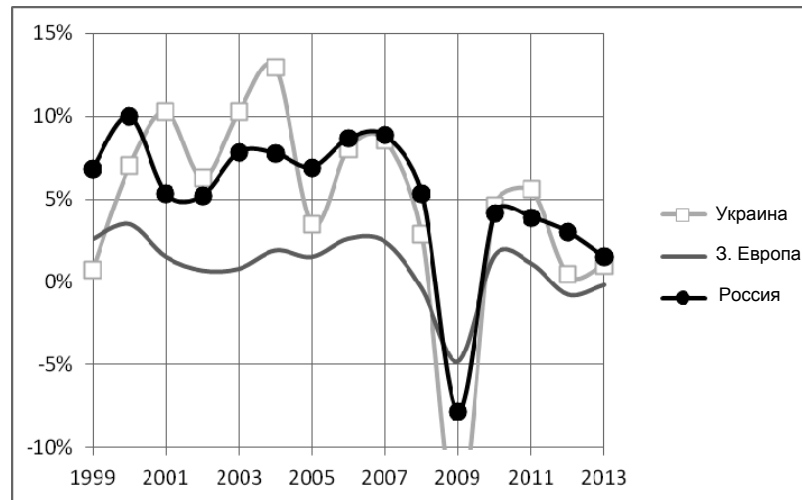

Рис. 7. Динамика темпов роста ВВП на душу населения в Украине, России и Западной Европе в 2002–2013 гг.

Легко заметить, что все три ряда очень тесно коррелируют между собой. Корреляционный анализ показывает, что для всего рассматриваемого периода корреляция (измеряемая при помощи коэффициента Пирсона [r]) между Западной Европой и Украиной достигает значения 0,8, а между Россией и Украиной – даже 0,86 (это отражает то обстоятельство, что большую часть этого периода российская экономика, по сути, тянула украинскую за собой)⁵.

Корреляции становятся особенно сильными, если проанализировать не просто темпы экономического роста, а их динамику. В таблице приведены данные об изменении темпов роста ВВП за соответствующие годы в процентных пунктах; в Украине в 2004 году темпы роста ВВП на душу населения составили 12,95 %, а в 2005 году – 3,45 %. Таким образом, темпы экономического роста в 2005 году были меньше, чем в 2004 году, на 9,5 процентных пункта. Поэтому в украинском столбце в строке **2005** стоит число -9,50 % (3,45 % – 12,95 % = -9,5 %).

⁵ Обе корреляции, безусловно, значимы статистически ($\alpha < 0,001$).

Таблица

Динамика темпов роста ВВП на душу населения в Украине, Западной Европе и России в 2000–2013 гг. (изменения годовых темпов роста ВВП на душу населения в процентных пунктах)

Год	Украина	Западная Европа	Россия
2000	6,23 %	0,90 %	3,18 %
2001	3,33 %	-1,98 %	-4,66 %
2002	-4,05 %	-0,82 %	-0,13 %
2003	4,04 %	0,11 %	2,60 %
2004	2,66 %	1,11 %	-0,08 %
2005	-9,50 %	-0,41 %	-0,84 %
2006	4,57 %	1,11 %	1,75 %
2007	0,52 %	-0,19 %	0,19 %
2008	-5,69 %	-2,85 %	-3,48 %
2009	-17,28 %	-4,43 %	-13,15 %
2010	19,04 %	6,47 %	11,95 %
2011	0,96 %	-0,49 %	-0,28 %
2012	-5,13 %	-1,91 %	-0,85 %
2013	0,55 %	0,59 %	-1,52 %

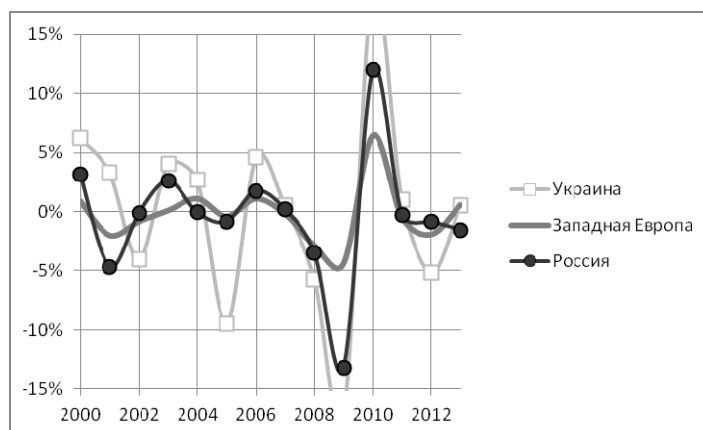

Рис. 8. Динамика темпов роста ВВП на душу населения в Украине, Западной Европе и России в 2000–2013 годах (изменения годовых темпов роста ВВП на душу населения в процентных пунктах)

Здесь скоррелированность трех рядов особенно высока: между Западной Европой и Украиной сила корреляции⁶ достигает уровня 0,88, а между Россией и Украиной – 0,92.

Вместе с тем мы наблюдаем достаточно разные корреляционные картины до и после начала глобального финансово-экономического кризиса. Особенно интересным представляется то обстоятельство, что сила корреляций (и без того высокая) существенно возрастает после начала глобального кризиса, вплотную приближаясь к предельно высокому уровню; при этом для данного периода корреляция между Западной Европой и Украиной ($r = 0,98$, $\alpha = 0,001$) оказывается равной корреляции между Россией и Украиной ($r = 0,98$, $\alpha = 0,001$). В годы же президентства Януковича корреляция между западноевропейским и украинским экономическим ростом становится уже практически неотличимой от функциональной зависимости ($r = 0,991$; $R^2 = 0,982$; корреляция здесь столь сильна, что даже по четырем точкам данных она, безусловно, статистически значима [$\alpha = 0,009$]), в то время как российско-украинская корреляция ощутимо ослабевает.

Таким образом, анализ свидетельствует в пользу гипотезы о том, что резкое сокращение темпов экономического роста Украины в 2011–2013 годах было вызвано прежде всего второй волной рецессии в Западной Европе. Возникает вопрос: не стоит ли рассматривать в качестве одной из основных слабостей экономической политики Януковича недостаточность усилий по ликвидации чрезмерной (и, как оказалось, крайне опасной) зависимости украинской экономики от западноевропейской? Нельзя не отметить и того обстоятельства, что первые же серьезные попытки Януковича в этом направлении, предпринятые в 2013 году, послужили едва ли не основным поводом для его свержения.

Но независимо от ответа на вопрос, кто (или что) является причиной резкого замедления темпов экономического роста, наблюдавшегося в годы президентства Януковича, данное замедление, по всей видимости, не могло не привести к так называемому эффекту Дэвиса (Davies 1969; Селле 2009). Приведу одно из описаний этого эффекта. «Изучая предпосылки революционных кризисов, – пишет А. П. Назаретян (2001: 122), – американский психолог Дж. Дэвис показал, что им всегда предшествует рост качества жизни. В какой-

⁶ Отметим, что и в этом случае обе корреляции безусловно значимы статистически ($\alpha < 0,001$).

то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате демографического роста или неудачной войны...), а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут виновных – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки» (см. рис. 9).

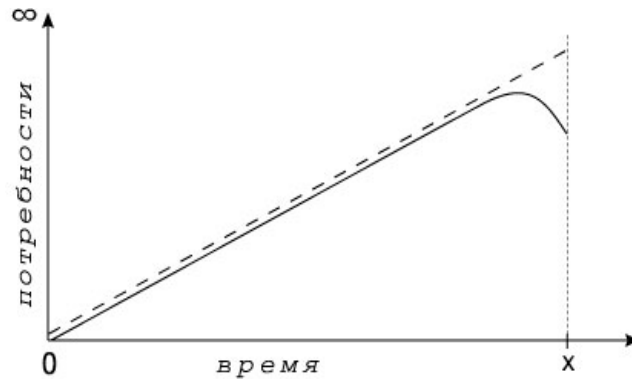

Рис. 9. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация (по: Davies 1969).

Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т. д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка X на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит или нет в зависимости от ряда «субъективных» факторов [Назаретян 2014: 156].)

Несмотря на избыточную категоричность изложения (рост качества жизни отнюдь не всегда предшествует крупным политическим потрясениям, нередко им предшествует длительное его падение, особенно в доиндустриальных обществах⁷), приведенное описание представляется в высшей степени релевантным для многих социально-политических взрывов в модернизирующихся (или даже модернизированных) социальных системах.

Период очень быстрого экономического роста, наблюдавшийся в Украине в 2000–2008 годах, не мог не привести к стремительному росту ожиданий. Среди заметной части граждан Украины (особенно на юго-востоке страны) рост должен был быть дополнительно

⁷ См.: Неведов 2000; 2001; 2002; 2003; Коротаев 2006; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; Гринин и др. 2008; 2011; Гринин, Коротаев 2012; Turchin 2003; 2005a; 2005b; Nefedov 2004; Turchin, Nefedov 2009; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev *et al.* 2006.

поддержан победой на выборах 2010 года Януковича, так как он давал надежду на возвращение к исключительно быстрым темпам экономического роста, наблюдавшимся в 2003–2004 и 2006–2007 годах. Продолжающийся рост ожиданий на фоне стагнирующего подушевого производства не мог не привести к увеличению разрыва между ожиданиями и реальностью, что, согласно модели Дэвиса, и порождает массовую фрустрацию, чреватую вспышками политической агрессии.

Имеются и эмпирические данные, подтверждающие, что эффект кривой Дэвиса реально наблюдался в Украине. Данные эти получены Украинским институтом социальных исследований и Центром социального мониторинга при участии Института экономики и прогнозирования НАН Украины и могут быть представлены графически (рис. 10).

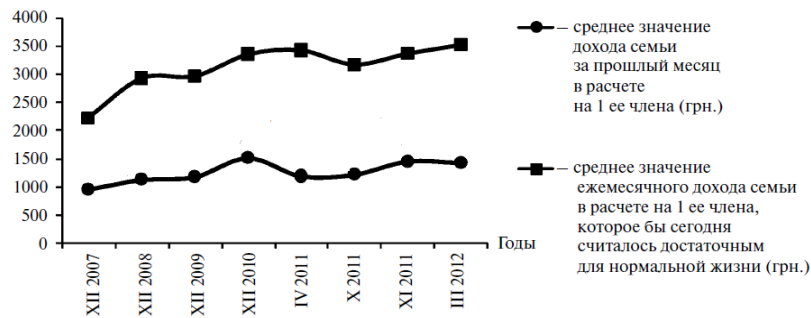

Рис. 10. Динамика средних значений дохода, желаемого для нормальной жизни, и реального уровня достатка в Украине, 2007–2012 гг.

(по: Балакирева, Ноур 2012: 93)

На рис. 10 верхняя кривая (с квадратными маркерами) соответствует кривой ожиданий, а нижняя – кривой реального дохода украинских респондентов. Нетрудно видеть, что эмпирические кривые, конечно же, не идеально соответствуют идеальной кривой Дэвиса; но соответствие тем не менее явно имеется. В кризисные для Украины (как, впрочем, почти для всего мира) годы на фоне стагнирующих доходов населения продолжался рост представлений о том, какой именно уровень доходов нужно считать нормальным (т. е., по сути, на уровне социальных ожиданий). Несоответствие идеальной модели Дэвиса здесь выражается прежде всего в том, что снижение актуального уровня удовлетворения потребностей на Украине все-таки вело к замедлению роста уровня ожиданий. Но

рост верхней кривой замедлялся более плавно, чем рост нижней кривой, – и в результате разрыв в тенденции все-таки увеличивался (именно это и представляется главным).

Таким образом, даже ограничившись экономико-психологической областью, можно найти достаточно подтверждений более мягкой гипотезы Дж. Голдстоуна о массовом росте недовольства со стороны прстых украинцев режимом Януковича. В статье О. Балакиревой и А. Ноура (2012) имеется множество дополнительных эмпирических подтверждений этого наблюдения.

Повторю, приведенные данные не позволяют сразу же отвергнуть и более жесткую гипотезу П. Турчина (а в конечном счете и Ленина), предполагающую абсолютное (а не только относительное) снижение уровня жизни если и не всего рядового (неэлитарного) населения, то по крайней мере каких-то его политически значимых групп накануне революции вообще и украинской революции в частности.

Здесь мы, впрочем, вступаем на зыбкую почву эмпирически не верифицированных гипотез. Речь идет о том, что фактическая стагнация темпов экономического роста, наблюдавшаяся накануне падения режима Януковича (пусть и не по вине самого Януковича), могла привести к существенному падению уровня жизни (обнищанию) значительных групп населения в силу следующих причин.

1. Заметный рост экономического неравенства приводит к заметному обнищанию незащищенных групп населения (которые могут быть политически очень активными), даже если общее производство на душу населения и не падает (но не растет при этом слишком быстро). Например, судя по письмам наших корреспондентов из Украины, некоторые преподаватели украинских университетов считают, что уровень их доходов за последние годы упал в абсолютном выражении. Заявления о резком усилении экономического неравенства в период президентства Януковича делались неоднократно (см., например: Turchin 2014; см. также Приложение к данной статье), но сколько-нибудь строгих процедур эмпирической верификации/фальсификации этой гипотезы мы пока не проводили. Если рост экономического неравенства в Украине в период президентства Януковича все-таки наблюдался, то заметную вину за это уже вполне можно возлагать на его администрацию.

2. При темпах экономического роста, близких к нулевым, даже достаточно умеренный рост неравенства в одних регионах будет означать абсолютное падение значений регионального внутреннего

продукта на душу населения в других регионах. Применительно к Украине в роли главного кандидата выступает наименее экономически развитый регион страны – Западная Украина (Даренский 2014). Данное обстоятельство, конечно, могло служить дополнительным фактором усиления антиправительственных настроений. Однако и эта гипотеза требует эмпирической проверки.

И еще одно, заключительное, замечание. Динамика, описываемая моделью Дэвиса (бурный рост, сменяющийся резким спадом с последующей стагнацией), была характерна после середины 2000-х годов для очень большого числа стран мира (преимущественно с высокими и средними доходами). Однако социально-политическая дестабилизация наблюдалась главным образом в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*low middle income countries* – по классификации Всемирного банка) (см.: Goldstone 2014; Баранов 2014). Возможное объяснение заключается в том, что кроме размера разрыва между ожидаемым и реально наблюдаемым уровнем жизни все-таки важно и абсолютное значение уровня жизни. Если разрыв увеличивается при стагнации уровня жизни на объективно достаточно низком уровне, это, по всей видимости, оказывает заметно большее дестабилизирующее воздействие, чем если он увеличивается при стагнации уровня жизни на значительно более высоком уровне⁸.

⁸ Можно назвать еще один фактор, блокирующий дестабилизирующее воздействие механизма кривой Дэвиса в странах с наиболее высоким ВВП на душу населения. Дело в том, что одним из главных требований протестующих последней дестабилизационной волны является ликвидация коррупции, которая действительно приобрела зашкаливающие масштабы практически во всех странах, затронутых этой волной (массовые протестные выступления под лозунгами борьбы с коррупцией значительно менее характерны для экономически наименее развитых стран). Вместе с тем для практически всех стран (за едва ли не единственным исключением Экваториальной Гвинеи), имеющих высокий (более \$25 000) уровень ВВП на душу населения, характерны довольно низкие уровни коррупции (Transparency... 2013). Проведенный мною анализ корреляции на 2007 год между ВВП на душу населения (по данным Всемирного банка [World Bank 2014]) и уровнем коррупции (по данным Transparency International 2007) показал наличие очень сильной отрицательной корреляции между двумя данными индикаторами ($r = -0,8$; $R^2 = 0,64$; $\alpha \ll 0,0001$). Вместе с тем это обстоятельство не может объяснить (даже частично) слабое влияние механизма кривой Дэвиса на верхний эшелон среднеразвитых стран (для многих из них характерны очень высокие уровни коррупции [Transparency... 2013]).

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Письмо Дж. Голдстоуна А. Коротаеву, П. Турчину, Л. Гринину,
С. Нефедову, Н. Полевому и др. (перевод с английского).**

23 марта 2014 г.

Дорогой Андрей и коллеги!

Я обычно предпочитаю говорить «недовольство», а не «обнищание», так как недовольство [населения режимом] может быть обусловлено и вызывающе высокой коррупцией, злоупотреблением властью, политической или экономической дискриминацией определенных этнических или региональных групп и т. д. Поэтому я согласен с Андреем [Коротаевым], что обнищание в смысле абсолютного падения уровня жизни не является ни необходимым, ни достаточным условием успешной революционной мобилизации (в самом деле, люди терпят ухудшение своего материального положения, вызванное природно-климатическими причинами, эпидемиями и другими факторами такого рода, и только *иногда* они ставят это в вину правительству – в тех случаях, когда они думают, что проблемы были связаны с действиями или бездействием правительства).

Поэтому, хотя я и считаю, что здесь надо быть как можно более осторожным в своих суждениях, я все-таки готов утверждать, что среди украинского населения наблюдалось растущее недовольство [режимом], которое вполне может быть документировано. Связано оно было с тем, что соседние страны становятся все богаче [по сравнению с Украиной], что в Украине олигархи имеют значительно бóльшую часть национального богатства, чем даже в России, а коррумпированность их правителя становилась все более очевидной и все более сосредоточенной на обогащении своей семьи.

*С наилучшими [пожеланиями],
Джек Г[олдстоун].*

Литература

Балакирева, О. Н., Ноур, А. М. 2012. Взаимосвязь экономического неравенства, социального отторжения и социальной мобильности. *Экономика Украины* 8: 86–96.

Баранов, М. 2014. Майдан. Экономический базис. *Polit.ru* 12 марта. URL: http://polit.ru/article/2014/03/12/m_basis/.

Гринин, Л. Е. 2010. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.),

История и Математика: О причинах Русской революции. М.: ЛКИ/URSS, с. 198–224.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/URSS.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из мальтузианской ловушки: некоторые возможные направления дальнейшего развития. *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS, с. 78–117.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Цирель, С. В. 2011. *Циклы развития современной Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Дарендорф, Р. 2002. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы.* М.: РОССПЭН.

Даренский, В. Ю. 2014. Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 38–55.

Каутский, К. 1959 [1909]. *Путь к власти (Политические очерки о вращении в революцию).* М.: Госполитиздат.

Коротаев, А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В.

2011а. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16, 7: 15–21.

2011б. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.

2012. Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции круглого стола.* М.: ЛИБРОКОМ, с. 28–39.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.) 2012. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* М.: УРСС.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Бурова, А. Н., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS, с. 210–276.

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Божевольнов, Ю. В. 2010. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Малков, А. С., Божевольнов, Ю. В., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: URSS, с. 45–88.

Ленин, В. И. 1969 [1915]. Крах II Интернационала. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, с. 209–265.

Назаретян, А. П.

2001. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории*. М.: ПЕР СЭ.

2014. *Нелинейное будущее*. М.: Инфра-М.

Нефедов, С. А.

2000. О законах истории и математических моделях. *Известия Уральского государственного университета* 15: 15–23.

2001. Метод демографических циклов. *Уральский исторический вестник* 7: 93–107.

2002. Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.

2003. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.

2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: УГГУ.

Нефедов, С. А., Турчин, П. В. 2007. Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства*. М.: КомКнига/URSS, с. 153–167.

Селле, П. 2009. J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции? *Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза*. М.: РОССПЭН, с. 371–387.

Спенсер, Г. 1999 [1891]. *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор.

Токвиль, А. 2008 [1856]. *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя.

Турчин, П. В.

2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/URSS.

2010. Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *История и математика: О причинах Русской революции*. М.: ЛКИ, с. 170–175.

Филин, Н. А. 2012. Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 40–42.

Шульц, И. И. 2014. Причины революций: «голова или кошелек»? *Историческая психология и социология истории* 7(1): 102–119.

Эдвардс, Л. 2005. Естественная история революции. *Социологический журнал* 1: 101–131.

Акаев, А., Sadovnichy, V., Korotayev, A. 2012. On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal* 205: 355–373.

Conference Board. 2014. *The Conference Board Total Economy Database*. January. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/>.

Davies, J.

1962. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27: 5–19.

1969. Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective*. N. Y.: Free Press, pp. 85–108.

Goldstone, J.

1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.

2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–22.

2014. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites Them? *Russia Direct* February 21. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.

Goldstone, J. (ed.) 2013. *Political Demography: How Population Changes are Reshaping National Politics and International Security*. Oxford: Oxford University Press.

Grinin, L., Korotayev, A. 2012. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.

Korotayev, A., Khaltourina, D. 2006. *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends in Africa*. Moscow: KomKniga/URSS.

Korotayev, A., Malkov, A., Khaltourina, D. 2006. *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *MESOJ* 2(5): 57–95.

Korotayev, A., Zinkina, J., Kobzeva, S., Bogevolnov, J., Khaltourina, D., Malkov, A., Malkov, S. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics* 2(2): 276–303.

Nefedov, S. A. 2004. A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 69–80.

Transparency International. 2007. *Corruption Perceptions Index 2007*. Berlin: Transparency International.

Transparency International. 2013. *Corruption Perceptions Index 2013*. Berlin: Transparency International.

Turchin, P.

2003. *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

2005a. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States. *Structure and Dynamics* 1.

2005b. *War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations*. New York: Pi Press.

2014. Wealth Democracy and Ukraine. *Social Evolution Forum* March 18. URL: <http://socialevolutionforum.com/2014/03/18/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/>.

Turchin, P., Nefedov, S. 2009. *Secular Cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

World Bank. 2014. *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.